

Глава 33. Урок

С момента окончания того пиршества прошло всего три дня, но весть о том, что Вэйцы-цзюнь покинул Цинсяо-цзун, уже разнеслась повсюду, всколыхнув весь мир заклинателей.

Ведь Лян Ланъин был не просто учеником, а одним из столпов ордена. То, что он ушел внезапно, без предупреждения, не могло не породить лавину слухов.

Цинсяо-цзун долго удерживал статус величайшей обители Поднебесной, и эта слава была неразрывно связана с именем его красивейшего мастера. Теперь же, когда пути ордена и его гордости разошлись, уцелеет ли его бывшее величие, или же имя Лян Ланъина постепенно канет в забвение?

А быть может, всё сложится совсем иначе?

Узнав о случившемся, Шэнь Лифэн первым делом подумал о своем двоюродном брате, Шэнь Гумине. Ранее он противился желанию брата стать учеником Вэйцы-цзюня. С одной стороны, Лифэн считал, что Гуминю не пристало тянуться к столь великому человеку, с другой — покойный Юйянь-цзюнь перед смертью велел ему присматривать за юношей.

Первое определяло его чувства, второе — долг.

До этой вести Шэнь Лифэн метался меж двух огней. Поскольку Вэйцы-цзюнь возглавлял одно из направлений Цинсяо-цзун, вступление Гуминя под его начало устроило бы покойного покровителя, но уязвило бы гордость самого Лифэна.

Он безумно боялся, что если Гуминь станет учеником Мастера меча, его природный талант в сочетании с наставлениями гения вознесет его мастерство на недостижимую высоту. Сам же Лифэн, как бы ни истязал себя тренировками, из-за ущербного духовного корня никогда не преуспееет в пути меча. Зависть лишала его покоя.

Но теперь всё изменилось. Появился идеальный предлог. «Перед вознесением Юйянь-цзюнь поручил мне заботиться о тебе в стенах Цинсяо-цзун, а Вэйцы-цзюнь более не принадлежит к ордену. Ты не можешь оставаться с ним и быть его учеником». Пользуясь этим, он мог вернуть Гуминя обратно в Цинсяо-цзун, вырвав из рук мятежного мастера.

А что до наставничества... Сиу-цзюнь, Цюй Цинъюэ, тоже был мечником, но из-за слабого здоровья занимал лишь девятую строчку в Списке десяти святых. Его искусство уступало безупречному стилю Лян Ланъина. К тому же Сиу-цзюнь погряз в делах ордена, и у него едва ли нашлось бы время для личных уроков. Если Гуминь пойдет к нему, опасаться его взлета не придется.

Приняв решение, Шэнь Лифэн отправил своего верного слугу, Лю Юаня, в Долину радостных

кошмаров, чтобы тот отыскал и вернул Шэнь Гуминя.

Однако шли дни. Миновало трое суток, а посланник всё не возвращался, заставляя Лифэна изводиться от тревоги.

В довершение всего, из-за терзавшего его беспокойства он перепутал ингредиенты для пилюль и чуть было не устроил красочный взрыв прямо в плавильной чаше. Как раз в этот момент из-за двери донесся удивленный, зычный голос его наставника, алхимика Сыту Чэ.

— А ну-ка покажи лицо... Батюшки мои! Юноша, тебя ведь Лю Юанем кличут? Ты вчера в Дикие земли наведалься или куда? Отчего в таком виде? Ладно без одежды, но голова-то почему блестит, как начищенный таз? Тебя на обратном пути хоть никто из ордена не приметил? Надеюсь, ты не ляпнул, что служишь на пике Шулан? Если проболтался — позор мне на всю оставшуюся жизнь...

Шэнь Лифэн нервно вздрогнул. Предчувствуя неладное, он распахнул дверь и застыл на пороге, лишившись дара речи.

У ног Сыту Чэ сидел Лю Юань. Вернее то, что от него осталось.

Уходя, слуга выглядел безупречно: чистые одежды, аккуратно собранные волосы, выправка статного, благородного мужа. Теперь же перед ними на коленях жалась жалкая, грязная фигура. Одевания на нем превратились в лохмотья, едва прикрывавшие смуглую кожу, лицо было вымазано в саже, словно он только что выбрался из свинарника, а половина головы оказалась начисто обрита.

Лысина сияла безупречной чистотой — ни намека на щетину, словно на этой каменистой почве никогда ничего и не росло. Кожа была гладкой до неприличия и весело отражала свет светильников.

Шэнь Лифэн едва не ослеп от такого зрелища. Почтительно поклонившись наставнику, он посмотрел на изувеченного слугу и, потеряв переносицу, спросил:

— Во что ты... во что ты превратился?

Лю Юань разрыдался навзрыд, не смея поднять глаз. Лишь спустя минуту он смог выдавить сквозь судорожные всхлипы, полные животного ужаса:

— Вэй... Вэйцы-цзюнь... Он велел мне следить за языком... а потом лишил меня волос... О-о-о-о...

— И что же ты ему наговорил? — нахмурился Шэнь Лифэн. — Я ведь велел тебе просто забрать маленького бессмертного господина и по возможности не попадаться на глаза мастеру Ляну. В

итоге ты и брата не вернул, и сам вернулся в виде ошипанной курицы. Где твоя одежда? Только не говори, что тебя обобрали до нитки.

— Обобрали... — размазывая слезы и грязь по лицу, запричитал слуга. — Всё до последнего лоскута сняли...

— Кто?! — Лифэн не верил, что великий мастер меча мог опуститься до столь позорного разбоя.

Но Лю Юань, колотя кулаками по полу, завыл, что это сделал сам Вэйцы-цзюнь. Оказалось, мастер Лян изрыгнул на него такой ушат ругательств, что у слуги пропала всякая охота жить. Прямо на глазах у Шэнь Гуминя с него сорвали одежды, заставили ползать на коленях, отвешивать самому себе пощечины, а напоследок выставили голышом за порог, наказав передать Цинсяо-цзун: если орден пришлет кого-то еще, их тоже разденут и пустят по миру без штанов.

Услышав это, Сыту Чэ расхохотался в голос, издав звук, похожий на гоготанье испуганного гуся. Лифэн лишь молча стоял, не зная, куда деваться от стыда.

— Ну и что ты ляпнул, глупец? — сквозь смех спросил алхимик, утирая слезы. — Чтобы довести этого паршивца до такого бешенства, нужно было очень постараться.

— Я лишь... лишь сказал, что Вэйцы-цзюнь не так силен, как о нем болтают... — Лю Юань понизил голос, сгорая от стыда. — Сказал, что его хваленая техника меча годится только для праздных танцев, а силы в ней нет никакой...

Он умолк. Сыту Чэ мгновенно перестал смеяться. Осуждающе покачав головой, он произнес:

— Ну тогда ты легко отделался. Думаешь, титул Мастера меча дают за красивые глаза? Если ты усомнился в его искусстве, этот паршивец просто доказал тебе обратное. Посмотри на свою макушку: обрито идеально, ни единой царапины на коже. Такая точность движений требует невероятного контроля.

— Но разве... разве слава Вэйцы-цзюня — это не заслуга Цинсяо-цзун? — недоумевал Лю Юань.
— Да и внешность его сыграла не последнюю роль... Я всегда думал, что он лишь вывеска...

— Дурак, что ты вообще смыслишь в этом? — оборвал его Сыту Чэ. — Подумай своей пустой головой, откуда у этого паршивца его регалии. «Мастер меча», «Первый среди десяти святых», «Хранитель Цзихуа», «Первый красавец Поднебесной» — какое из этих званий он получил благодаря Цинсяо-цзун? Лян Ланьин заслужил их сам, задолго до того, как наш орден возвысился над остальными!

Алхимик чеканил слова, заставляя слугу сжиматься под его тяжелым взглядом.

— Всё с точностью до наоборот: это благодаря ему Цинсяо-цзун стал величайшим орденом в мире. Вы просто не представляете, каким пугающим он был век назад.

Слова мастера опустились на плечи Лю Юаня тяжелым бременем. Его зашатало от осознания собственной глупости. Оказывается, он посмел бросить вызов легенде, перед которой трепетала вся Поднебесная. Закрыв глаза, он снова увидел вчерашний силуэт в белом одеянии, неуловимый росчерк клинка, рассекший ночную тьму, и его сердце сжалось от запоздалого ужаса.

Шэнь Лифэн стоял пораженный. Он никогда не сомневался в силе мастера Ляна, но масштаб, описанный наставником, превосходил всё, что он мог себе вообразить. Один человек, поднявший на своих плечах целый орден... Каково это?

— Если бы не та трагедия во время Великой войны орденов и демонов, сломавшая этого гордеца... — Голос Сыту Чэ дрогнул, в его взгляде промелькнула глубокая скорбь. — Наш паршивец сейчас бы уже превзошел своего учителя, почтенного Хуачэня, и заправлял всем миром заклинателей.

— Что за трагедия? — тихо спросил Лю Юань.

Сыту Чэ вздохнул, устремив взгляд куда-то вдаль:

— Слишком запутанная история. В ней замешано слишком много людей.

— И кто же именно?

Алхимик уже готов был ответить, но вдруг прищурился и подозрительно уставился на слугу:

— А тебе-то зачем это знать?

Лю Юань послушно опустил голову, не проронив ни звука. Шэнь Лифэн мельком взглянул на него, чувствуя, как внутри зарождается смутное беспокойство. Поведение слуги казалось странным.

Внезапно Лю Юань вздрогнул, он часто заморгал, а на его лбу выступили крупные капли холодного пота. Он смертельно побледнел.

Заметив это, Сыту Чэ нахмурился. Он сделал шаг вперед, вглядываясь в лицо юноши, затаил дыхание и, уловив едва заметную чуждую ауру, резко схватил Лю Юаня за запястье. Секунда — и он вывернул ему руку с глухим хрустом.

— А-а-а-а! — истошно завопил тот.

Вместе с криком боли из плеча Лю Юаня вырвалась струйка угольно-черного тумана, подернутая кровавым багрянцем. Сыту Чэ мгновенно перехватил ее ладонью, не позволяя рассеяться.

Шэнь Лифэн взглянул на вывихнутое плечо слуги, а затем с тревогой перевел взгляд на наставника:

— Учитель, что это?

Алхимик медленно разжал пальцы. Черная дымка сжалась в плотный сгусток, зависнув над его ладонью.

— Демоническая метка. Похоже, на обратном пути на парня совершили нападение и незаметно подсадили заразу.

— Метка? — опешил Лифэн. — Неужели это демоны из Секты Сюаньюй?

Сыту Чэ покачал головой:

— В Сюаньюй, не считая самого Юань Цяньчао, достигшего стадии Демонической Души, нет никого с настолько плотной и чистой темной энергией.

— Тогда кто же... — Лифэн осекся. — Может, тот же злоумышленник, что нападал на учеников в тайном царстве Линьюань?

Алхимик легким движением пальцев развеял черную дымку:

— Очень может быть. Но не факт. Ведь...

Он замолчал, уставившись на свою ладонь. Лифэн спросил:

— Что «ведь», учитель?

Сыту Чэ помрачнел. Он думал о своем.

«Ведь этот паршивец Лян Ланьин теперь практикует и светлый, и темный путь одновременно... Лишь бы этот безумный сплав не превратил его в чудовище».

Долина Бавана

Лян Сюань чихнул три раза подряд. Потерев нос, он пожал плечами и, словно ленивый белый кот, поджал ноги, устраиваясь поудобнее в карете маленького бессмертного господина.

Он лениво скользнул взглядом наружу, туда, где в одиночестве тренировался Шэнь Гумин, плавно рассекая воздух мечом Цанлань.

«Черт, точно кто-то кости мне перемывает», — подумал Сюань.

Внезапно свист рассекаемого воздуха прекратился. Лян Сюань прикрыл глаза, потер переносицу, а затем неохотно приподнял веки. Глядя на замершего под серебряным лунным светом юношу, он спросил:

— И чего остановился? Тебе еще пару тысяч взмахов сделать осталось.

Лунный свет мягко очерчивал силуэт Шэнь Гуминя, заставляя его фигуру казаться почти призрачной. Юноша растерянно коснулся мочки уха — жест, выдающий его смущение — и тихо произнес:

— Простите...

«Ишь ты, витает в облаках».

Возможно, в этот миг образ главного героя действительно задел какую-то струну в его душе. Преодолев лень, Лян Сюань оперся подбородком о деревянный подоконник кареты и принялся легонько постукивать по нему пальцами, пристально разглядывая Шэнь Гуминя с головы до ног.

Сначала он просто разглядывал его от скуки, но чем дольше смотрел, тем сильнее хмурился. Наконец, не выдержав, он выпрямился и велел юноше прекратить занятия.

Гумин послушно опустил Цанлань и устремил на него выжидающий взгляд:

— Что-то не так, учитель?

— Не так то, как ты держишь оружие. Я подарил тебе Цанлань не для того, чтобы ты махал им как палкой. Где твой пыл?

Юноша замаялся на несколько секунд, после чего растерянно ответил:

— Но я... я стараюсь. Делаю всё в точности так, как вы показывали.

— Дело не в правильности движений, а в твоём настроении, — Лян Сюань подогнул одну ногу под себя и склонил голову набок, глядя на него блестящими, как звездное небо, глазами. — Проще говоря, твои мысли сейчас блуждают бог знает где. Ты отвлекся.

<http://bllate.org/book/18178/1752802>